

По литературным схемам

Комсомолец Таджикистана

Г. Ташкент

25 АВГ 1985

Полнозастывшие хозяевами Ташкентского кукольного театра до сих пор были ребятишки. Взрослые появлялись здесь только в качестве сопровождающих их «пап» и «мам». Недавно, впервые в истории Ташкентского театра кукол, его посетили взрослые зрители. Показывалось эстрадное обозрение для взрослых.

Всякое хорошее начинание, все новое, живое в искусстве принимается у нас с радостью. Так было и на этот раз: начало необычного представления зрители ждали с нетерпением.

Но первые же минуты спектакля заставили встревожиться. И чем дальше развивались на сцене события, тем становилось яснее, что, собственно, ничего нового, оригинального в обозрении нет, если не считать самой идеи постановки его в кукольном театре.

Текст обозрения О. Юхова и В. Дробина, принятый к постановке кукольным театром, на первый взгляд затрагивает важные вопросы: и стремление пристроиться в городе после окончания института, и беспомощия в жилищном ателе, и научные работы на пустую тему — все это, к сожалению, еще встречается в нашей действительности.

Но названные темные стороны нашей жизни уже замечены много раньше другими авторами и многократно использованы в кино, радио, на эстраде, в цирке. Во всем обозрении О. Юхова и В. Дробина нет ни единого эпизода, который был бы плодом их непосредственных наблюдений, не имел бы литературного источника. А ведь пять-шесть «дежурных» тем вовсе не исчерпывают всех недостатков, с которыми мы сталкиваемся. Наверняка есть и другие явления, которые заслуживают осмеяния и критики.

Авторы обозрения не сумели и старые темы обогатить новыми, свежими, жизненными деталями. Любимый эпизод обозрения подтверждает это. Вот хотя бы сцена в телефонной будке. «Почтенная» дама требует от своих знакомых, чтобы они помогли ее дочери, окончившей вуз, «пристроиться» в городе. Не говоря уже о том, что даже условности эстрады не оправдывают такой нелепости, как разговор по телефону-автомату на подобные темы, весь эпизод выглядит удивительно неинтересно. Еще дама, претендующая на звание себя Прон, произносит первые фразы, как мы узнаем в ней и метаморфоз, созданных артисткой Мироновой, и Диану Михайловну из пьесы «Не называя фамилий». Лишенная индивидуального характера, дама представляет собой некое облитературное изображение метаморфоз, наглости, приспособленчества. Даже отлично сделанная кукла Прон не сглаживает общего впечатления.

Пи одной индивидуальной, подмороженной в жизни черточкой нот у родителей «стиляги», да и у самого «стиляга». Это опять же носители определенных пороков, схем, заимствованные из газетных фельетонов и ничем не дополненные. То же в полной мере относится и к большинству других действующих лиц обозрения.

Не отличается меткостью, оригинальностью язык обозрения. Остроты, щедро разбросанные по всему тексту, не раз уже слышаны и читаны. Юмор, на который претендуют авторы, порой бывает плоским, грешащим против литературного вкуса (например, текст конференций).

Литературный уровень пьесы или сценария в значительной степени определяет

судьбу будущей постановки. Сколько бы стараний ни приложили творческий коллектив, но создать хороший спектакль на основе слабой, неинтересной пьесы он не сможет.

В данном же случае театр и не попытался преодолеть недостатки пьесы. Он повторил и усилил их. Так же, как и авторы, театр не обратился к жизни, чтобы в ней заметить характерное, типическое, не стал искать точную сценическую форму для своих «тергов».

В представлении есть несколько удачных кукол. Это дама, разговаривающая по телефону, безголосая певица, партнера «стиляга» по танцплощадке.

Есть в спектакле и две-три хорошие детали: модная подосатая кофточка на прищипке в ателе, чаепитие заведующего конферной колхоза. Эти метко схваченные черточки вносят дыхание жизни, и зритель активно реагирует на них смехом.

К сожалению, подобных находок в обозрении очень мало.

Значительная же часть кукол не интересна. Они лишены своего характера. Можно переставлять их, менять ролями, и от этого в спектакле ничего не изменится. Кстати, так сделали в театре: одна и та же кукла выступает дважды: в роли матери «стиляга» и в роли исполнительницы частушек.

Значительное место в обозрении занимает пародия на концерт. Она давала возможность остроумно высмеять плохой вкус, штампы, которые еще бытуют на сцене. Но и здесь авторы и коллектив театра шли не от собственных наблюдений, а от каких-то умозаключений. Поэтому пародия быт мимо цели. В концерт, например, включено выступление «многого» поэта. Но достаточно побывать хоть раз на совещании писателей, чтобы убедиться, что никто из поэтов в наше время не рьяется в широкие баузы, не соружает пышных бантов на шею. Они одеты, как и все мы, в обычный костюм. Деталь, казалось бы, а она помешала зрителям поверить в реальность этого «многого». Технически удачно сделанное эстрадное танго тоже не вызывает смеха в зале, потому что остается выясным, кто же, собственно, высмеивается.

Отсутствие какой-либо характерности, конкретного содержания с наибольшей силой сказалось на положительных героях обозрения — Туре и Нине. Эти безликие «голубые» существа под конец начинают вызывать раздражение. Попытка авторов обозрения О. Юхова и В. Дробина объединить с их помощью различные эпизоды ни в чему не привела. Связь между отдельными частями обозрения осталась чисто механической.

Первая попытка Ташкентского республиканского театра кукол поставить спектакль для взрослых не увенчалась успехом.

Сама идея создания подобного обозрения — верная, нужная, своевременная. Это многократно доказано великолепными спектаклями театра Сергея Образцова. Но одной хорошей идеи мало. Нужно прежде всего, чтобы в основу спектакля лег острый, интересный, жизненный литературный материал, созданный с учетом особенностей и возможностей кукольного театра.

А. НАРОДНИЦКАЯ.